
В.Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу.
М., Современник, 1988
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

В наше время народность сделалась первым достоинством литературы и высшею заслугой поэта. Назвать поэта "народным" значит теперь – возвеличить его. И потому все пишущие стихами и прозою во что бы то ни стало прежде всего хотят быть "народными", а потому уже и талантливыми. Но, несмотря на то, у нас, как и везде, бездарных писак гораздо больше, нежели талантливых писателей, а последних гораздо больше, нежели таких, которые были бы в одно и то же время и даровитыми и народными авторами. Причина этого явления та, что народность есть своего рода талант, который, как всякий талант, дается природою, а не приобретается какими бы то ни было усилиями со стороны писателей. И потому способность творчества есть талант, а способность быть народным в творчестве – другой талант, не всегда, а, напротив, очень редко являющийся вместе с первым. Чего бы, казалось, легче русскому быть русским в своих сочинениях? А между тем, русскому гораздо легче быть в своих сочинениях даровитым, нежели русским. Без таланта творчества невозможно быть народным; но, имея талант творчества, можно и не быть народным. Оставляя в стороне вопрос, был ли Ломоносов поэтом и до какой степени был он поэтом, нельзя не признать, что его стихи были удивительны относительно к тому времени и сравнительно с стихами всех поэтов как современных ему, так и принадлежавших даже к екатерининской эпохе, за исключением одного Державина. А между тем, в громозвучных стихах Ломоносова нет ничего русского, кроме слов, – никакого признака народности. Даже в великолепных одах Державина только мгновенными искрами, и то изредка, промелькивают стихи народности. Нечего и говорить, до какой степени народны стихи Дмитриева, стихи и повести Карамзина, трагедии Озерова (из которых всего менее народности в самой народной – "Димитрии Донском"), стихотворения Батюшкова, а между тем, кто же может отрицать талант в этих писателях? После Пушкина, первого русского поэта, который был и велик и национален, – после Пушкина все пустились в народность, все за нею гонятся, а достигают ее только те, которые о ней вовсе не заботятся, стараясь быть только самими собою. И чего не делают эти рыцари народности, эти новые Дон Кихоты {1}, которые затем, что им никогда не удавалось видеть в лицо дамы своего сердца, вместо ее поклялись в верности толстой простонародности – краснощекой Дульцинее, – чего не делают они, чтоб сорвать улыбку одобрения с жирных и неопрятных губ этой девы в кумачном сарафане, с насаленною косою?.. Бедные, они добровольно отрекаются в своих сочинениях от сословия, к которому принадлежат, от образованности, которою, обязаны воспитанию, даже от той доли здравого смысла, которою не обделила их природа! Они тщательно прячут свой фрак под смурый кафтан и, поглаживая накладную бороду, взапуски друг перед другом копируют язык гостинодворцев, лавочных сидельцев и деревенских мужиков. "О волны балтийские! – восклицает один из них: – важно и почтенно уважили вы меня, примчавши из немецкой нехристи к православным берегам пароход с моим другом!" Другой восклицает к своему приятелю (называя его, ради народного эффекта, однокашником и однокорытником): "Молодец ты, братец ты мой, дока и удалец! Бойко и почтенно пьешь ты пенную влагу за Русь и за наше молодое буйство, ясно и восторженно бурлит в тебе бурсацкая кровь разымчивою, пьяною любовью к родине; мил ты мне, дока и буйн вдохновенный!" Третий идет дальше: отуманенный пенным вдохновением, он проклиная науку, изрыгает пьяные хулы на просвещение, – и все это во имя народности, не подозревая, в простоте ума и сердца своего, что это совсем не народность, а площадная простонародность, тем более возмутительная, что она накидная, притворная, следовательно, лишенная той наивности, которая красит даже и глупость и пошлость, делая их смешными. Чем дальше в лес, тем больше дров; четвертый выкидывает новую штуку: он в своих стихах не прикидывается сидельцем из овощной лавки или бурлаком с Волги, не поет гимнов пеннику, не говорит, чтоб этот напиток был для Ломоносова животворным источником вдохновения, учености и звания русского языка, не прославляет ночных оргий, буйного на словах, но трезвого на деле разгуля, ни вакханального сладострастия, которое отзывается только испорченностью фантазии и потому холодно и гадко, как улыбка мертвых губ, приведенных в сотрясение вольтовым